

Цзян Суйчжоу непроизвольно отступил на полшага, а красная фата медленно опустилась на пол. Он чувствовал, как сердце от испуга пустилось вскачь, а кровь в ушах зашумела так сильно, что заглушила все звуки.

...Всего лишь один взгляд. У этого человека были резкие брови, посаженные низко над глазами, что делало взор особенно суровым и тяжелым. В нем сквозила неприкрытая жажда крови и неукротимая ярость. В каком-то помутнении Цзян Суйчжоу почудилось, что перед ним загнанный зверь. Пусть он припал к земле, но готов в любой миг прыгнуть, вцепиться в глотку и погибнуть вместе с врагом.

В воздухе витал густой аромат свадебных свечей, смешанный с запахом крови и затхлым холодом тюремных застенков.

Теперь ему не нужно было спрашивать — он и так знал, кто перед ним.

...Ну конечно. Это тот самый «бог войны» Великой Лян, которого император-тиран превратил в калеку и который через три года отрубил голову принцу и оставит её сохнуть на стене.

Цзян Суйчжоу закусил губу. Ему внезапно захотелось извиниться перед тем своим студентом. «Верните меня обратно, умоляю. Я хочу домой».

Цзян Суйчжоу замер, а Мэн Цяньшань, стоявший рядом, уже почти сходил с ума от беспокойства.

Что делает Ван-е?! Сорвал фату, бросил её на пол и теперь стоит молча, ледяным взглядом сверля человека перед собой.

Мэн Цяньшань осторожно взглянул на Хо Уцзю. Раньше он только слышал, что единственный сын маркиза Динбэй — редкостный юный герой, и теперь видел: это правда. После захвата император бросил его в дворцовую подземную темницу. Обычно те, кто туда попадал, не выживали и трех дней — их замучивали до смерти. А эта «госпожа Хо» провела там больше месяца.

Его губы сейчас были болезненно-бледными, в углах рта виднелись синяки и запекшаяся кровь.

Стоит признать, он был чертовски хорош собой: глубокие черты лица, волевой и резкий облик — истинный полководец, привыкший командовать армиями. Даже раны не делали его жалким, скорее придавали образу некую суровую, надломленную хрупкость. Под свадебным нарядом проглядывали следы пыток: из-за ворота виднелся лишь краешек шрамов, а на огненно-красном шелке проступали темные пятна крови.

В этот момент даже Мэн Цяньшань, хоть и был предан хозяину, не мог не почувствовать капли жалости к этой «госпоже». Он решил рискнуть и разрядить обстановку. С этой мыслью Мэн Цяньшань, низко склонившись, поднес Цзян Суйчжоу чаши с вином для обряда.

— Ван-е, — позвал он, согнувшись в поклоне.

Цзян Суйчжоу скосил глаза и увидел на подносе два золотых кубка. Ему действительно нужно было как-то унять дрожь. Поэтому он взял один из кубков и одним глотком осушил его до дна.

У Мэн Цяньшаня глаза чуть не вылезли из орбит. «...Эй! Ван-е! Это же обрядовое вино! Вино для двоих!»

Мэн Цяньшань в ужасе посмотрел сначала на Цзян Суйчжоу, потом на Хо Уцзю. Один стоял с лицом холодным и неподвижным, как у статуи, другой сидел надменный и ледяной, словно царь преисподней.

Слова застряли у евнуха в горле.

В этот момент он увидел, как его хозяин повернулся и поставил пустой кубок обратно на поднос.

— Уйдите все, — приказал он.

Мэн Цяньшань опешил:

— Но, господин...

Тут его хозяин сухо взглянул на него, и прыгающий свет свечи озарил маленькую родинку у него в уголке глаза.

— Все вон.

Выпив вина, Цзян Суйчжоу наконец-то немного успокоился. Теперь он был абсолютно уверен: он попал в ту самую неофициальную историю из диплома своего студента и стал тем злосчастливым принцем, который взял в жены Хо Уцзю. Осознав это, он, как ни странно, почувствовал себя спокойнее.

В конце концов, человек, в теле которого он оказался, в любом случае обречен на раннюю смерть. Смерть от рук Хо Уцзю в каком-то смысле была даже «лучшим» вариантом. Ведь болезнь нельзя контролировать, а вот отношения между людьми — можно изменить.

Хо Уцзю в истории считался личностью благородной и честной. Он завоевал Поднебесную, но трон отдал своему дяде. После смерти дяди престол унаследовал его сын, а сам Хо Уцзю в одиночку повел армию обратно к заставе Янгуань и охранял её до конца своих дней.

Такой человек наверняка ценит верность и долг.

Если Цзян Суйчжоу не будет его унижать, а, напротив, проявит уважение, то через три года тот, возможно, пощадит его голову.

Однако... он посмотрел на Хо Уцзю. Сейчас он — принц Южной Цзин, а Хо Уцзю для него — враг и мятежник. Если он сразу начнет заискивать, это вызовет подозрения и даст обратный эффект.

Цзян Суйчжоу медленно вдохнул и ледяным тоном произнес:

— Весь в крови... воняет так, что тошнит. — Он выдавил холодную усмешку.

Сам он вырос в порядочной семье и, несмотря на некоторые трудности, получил строгое воспитание, поэтому всегда был вежлив. Он никогда в жизни не говорил людям подобных гадостей. Из-за этого слова прозвучали немного скованно и неуверенно. К счастью, его голос сам по себе был холодным и полным надменности, что помогло скрыть фальшь и придать словам нужный вес.

Хо Уцзю не удостоил его ответом. Он лишь опустил взгляд на валяющуюся на полу красную фату. Он был предельно безучастен, но в этом спокойствии сквозила врожденная гордость. Казалось бы, он полностью во власти принца, но от него исходила такая мощная аура, что никто не посмел бы подойти ближе.

Цзян Суйчжоу, стараясь не выдать волнения, продолжил:

— Тебя только что вытащили из темницы и сразу притащили ко мне? Неужели императорский брат думает, что я настолько неразборчив, что смогу притронуться к этому?

Он изо всех сил старался говорить язвительно, хотя от собственного тона у него по спине пробежал холодок. Хо Уцзю перевел взгляд с фаты на Цзян Суйчжоу.

Он увидел человека, стоящего в свете огней: спина прямая, взгляд холодный. Эти «лисьи» глаза с приподнятыми уголками в свете красных свечей казались удивительно притягательными, а алое одеяние делало маленькую родинку у глаза почти демонической. Тон был дерзким, но в этой дерзости чувствовалась какая-то неловкость, словно человек заставлял себя грубить, хотя никогда раньше этого не делал.

Хо Уцзю много раз сражался с армиями Южной Цзин и, разумеется, слышал о принце Цзине.

Болезненный слабак, сын коварной наложницы, погубившей страну. Говорили, что он прогнал до мозга костей.

Принц Цзин славился своей жестокостью: еще когда ему было тринадцать лет, из его дворца постоянно выносили трупы слуг. А когда он «переквалифицировался» в любителя мужчин, в его поместье погибло немало наложников-мужчин, из которых до сегодняшнего дня мало кто дожил.

Но глядя на него сейчас... Хо Уцзю подумал, что слухи, пожалуй, сильно преувеличены.

Цзян Суйчжоу же, сосредоточенный на том, чтобы правильно подобрать слова, не заметил этого мимолетного оценивающего взгляда.

Он выдержал паузу и добавил:

— Завтра я пришлю лекаря, пусть осмотрит тебя. Даже если собрался подышать, не делай этого в моем доме. — С этими словами он развернулся.

— И впредь сиди тихо и не смей доставлять мне хлопот.

Сказав это, Цзян Суйчжоу незаметно выдохнул. «Вроде бы достаточно грубо?»

Трудная задача: нужно сохранять образ врага, но при этом не причинять реального вреда и найти предлог, чтобы подлечить его раны.

Конечно, он хотел бы заняться лечением Хо Уцзю прямо сейчас. Тот только что из тюрьмы, император явно не заботился о его здоровье. Раны хоть и не смертельные, но затягивать нельзя. К тому же, как современный человек, не привыкший к виду крови, Цзян Суйчжоу чувствовал себя не в своей тарелке от запаха, исходившего от генерала. Но он понимал — нельзя.

Он был единственным принцем при дворе, и пока не знал, кто в его доме «свой», а кто шпионит

для императора. Именно поэтому он выгнал всех слуг. Было бы крайне подозрительно, если бы он бросился лечить врага сразу после его прибытия. Но если они проведут ночь наедине, а лекаря он позовет только утром — это будет выглядеть логично.

Цзян Суйчжоу незаметно огляделся. Это был зал для торжеств. Помимо огромной кровати с балдахинном, из мебели здесь была лишь узкая кушетка. Спать больше было негде. Кушетка была изящной, с резьбой, но шириной не более тридцати сантиметров — скорее декоративный элемент, чем кровать.

Во взгляде Цзян Суйчжоу промелькнула обреченность. Он понял, что эту ночь ему придется провести на этой жердочке. Прежде чем сделать шаг, он обернулся и еще раз холодно взглянул на Хо Уцзю.

— Ложись на кровать и не приближайся ко мне. Чтобы я больше не чувствовал вони твоей крови, — приказал он.

Он и не подозревал, что этот высокомерный вид в сочетании с его утонченным лицом в мерцании свечей выглядел довольно соблазнительно. Договорив, Цзян Суйчжоу развернулся и лег прямо на узкую кушетку. Ему предстояло мучиться на ней до утра.

Лежа лицом к стене, он не видел, как Хо Уцзю провожал его взглядом. Этот взгляд был холодным и пронзительным, как лезвие меча, похороненное в снегах Янгуаня. Спустя мгновение Хо Уцзю отвел глаза.

Он опустил веки и медленно перевернул левую руку, которая всё это время лежала на колене. Ладонь была залита кровью. В свете красных свечей стало видно, что он сжимает острый, как бритва, обломок дерева. Он с силой отломил его от внутренней стенки паланкина, пока его везли сюда.

По идее, эта щепка должна была в любой удобный момент перерезать горло принцу Цзину. Но... Хо Уцзю мельком взглянул на спину Цзян Суйчжоу. В тот миг, когда он был готов нанести удар, он встретился с этими глазами. Ясными, чистыми, но полными паники — словно принц сам до смерти испугался своих же слов.

Хо Уцзю прикрыл глаза. Острое дерево впилося в его плоть, но в решающий момент рука не поднялась. У него никогда не было привычки издеваться над слабыми.

Немного погодя он открыл глаза и, опираясь руками на поручни кресла, резким усилием пересадил себя на кровать. Каждое движение отдавалось невыносимой болью, мышцы начали непроизвольно дрожать, но он даже не поморщился. Ловким, едва заметным движением под шум шуршащей ткани он спрятал окровавленную щепу под кровать.

Он скользнул взглядом по Цзян Суйчжоу: тот лежал крайне неудобно, спина была напряжена — казалось, он заставляет себя уснуть.

— Пф... — Хо Уцзю равнодушно отвернулся.